

НЕКАТЕГОРИЧНОСТЬ РЕЧЕВОГО ДИАЛОГА И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА МОДАЛЬНЫХ ЧАСТИЦ

И. А. Нагорный

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
nagorny@bsu.edu.ru*

В статье анализируются особенности функционирования русских модальных частиц как выразителей комплекса субъективных авторских смыслов. Описываются функции модальных частиц в речевом высказывании. Актуализированные проблемы связываются со спецификой некатегоричности речевого диалога.

Ключевые слова: модальные частицы, семантика, смысл, значение, говорящий адресат, функции, предположение, речевое высказывание, событие.

Введение

Коммуникативный процесс базируется на комплексе параметров, среди которых параметр некатегоричной оценки сообщаемого является одним из продуктивных инструментов для достижения говорящим цели речевого воздействия на партнера по диалогу. Сомнение, целесообразность, предположение, вероятность, возможность, кажимость, колебание как операции мыслительного уровня характерны для субъекта. Это операции, помогающие человеку высказать свою точку зрения и таким образом оказать прагматически обусловленное воздействие на адресата.

Русские модальные частицы *вряд ли, едва ли, как бы, кабы, словно, точно, будто, небось, авось, дескать, якобы, де* – это средство выражения авторского отношения к достоверности сообщаемого, донесения до адресата важнейших, с точки зрения говорящего, коммуникативных смыслов. Частицы – весьма востребованный в коммуникативном процессе класс слов. Они обладают высокой степенью частотности употребления в разговорной речи, где они выполняют в сфере речевого диалога важнейшие смысловые функции.

Основная часть

Русская разговорная речь насыщена частицами, на что неоднократно указывали представители различных лингвистических школ [1; 2; 3]. Отмечалась и прагматическая составляющая в значении частиц, позволяющая грамматически служебному элементу выполнять в речевом высказывании доминирующую смысловую функцию донесения до адресата прагматически облигаторных смыслов [4; 5]. Попытки определить функциональную роль модальных частиц в семантическом пространстве речевого высказывания обусловили возможность размышлений на тему об актуализации частицами сферы некатегоричности речевого диалога, а также роли модальных частиц в вероятностной квалификации сообщаемого.

Интерес к подобному рода служебным элементам обусловлен ярким диссонансом между структурно-модельным и семантико-прагматическим статусами частицы. Структурная факультативность служебного элемента, грамматикализованность его значения отнюдь не мешает служебному слову быть прагматически емким, выполнять в речевом высказывании комплекс разноаспектных коммуникативно-прагматических функций. Модальные частицы относятся к словам, основная функция которых в высказывании заключается в обозначении особого, модального типа отношений. Они – фиксаторы точки зрения говорящего, автора высказывания. Модальные частицы в этом случае могут быть охарактеризованы как знаки, при помощи которых говорящий осуществляет «привязку» своего высказывания к ситуации в координатах «я – здесь – сейчас».

Являясь средствами сохранения, накопления и передачи информации, частицы способны выполнять в предложении важную структурную функцию – формировать такой особый тип предложения, как модально-ответные:

– *Как ты думаешь, он вернется?* – **Вряд ли** (В. Шишков);

– *Ты уверена?* – **Как будто...** (В. Шукшин);

– *А ты ведь видел, как это было?* – **Якобы...** (Е. Гуцин).

Модально-ответное предложение никогда не фиксируется на полюсе достоверности. Модальные частицы обозначают здесь грань, за которой предшествующее суждение переводится в иной временной континуум и осмысливается говорящим с позиции «здесь» и «сейчас». Способность частиц формировать модально-ответное предложение является их важной структурообразующей функцией в языке. В этом аспекте рассматриваемые модальные квалификаторы должны быть определены не только как речевые, но уже как языковые структурообразующие средства.

Смыслы, вводимые в предложение модальными частицами, существенно конкретизируют собственно предложенческие смыслы, соотносят их с говорящим, «проявляют» его позицию. Данные смыслы прагматически важны для высказывания, так как выражают его авторство, что для речевого образования (в отличие от конструкции, модели) является определяющим. Русские высказывания с модальными частицами интересны в том плане, что в них зафиксирован в действии процесс, который может быть условно обозначен как снятие четкой противопоставленности объективного и субъективного слоев смысла в предложении.

В предложениях с модальными частицами объективный и субъективный слой смысла приближены друг к другу, представляют собой синтез двух единств. Объективный слой смысла (диктум) при помощи частицы как бы «притягивается» к субъективному слою (модусу), в результате чего субъективные смыслы внедряются в объективные, усложняя их смысловую структуру.

Интересно в этом плане то, что модальные частицы как элементы модуса способны трансформировать и семантические поля пропозитивно значимых элементов в предложении, в первую очередь – предиката. Модусные смыслы, вводимые в структуру предложения частицами, в ряде случаев трансформируют объективные (пропозитивные) смыслы, которые используются в этом случае в качестве смысловой базы, на основе которой происходит прагматическая ориентация события говорящим:

Он как бы примеривался к прыжку (пропозиция действия совмещена с пропозицией состояния);

Я будто что-то слышу (пропозиция восприятия совмещена с пропозицией восприятия-состояния);

Она как будто пришла к себе домой (пропозиция движения совмещена с пропозицией состояния-восприятия).

Исходные пропозиции действия, восприятия, движения трансформируются здесь в пропозиции состояния или состояния-восприятия. Говорящий при помощи модального квалификатора ориентирует адресата на то, что имеются причины, существование которых предопределило отказ говорящего от констатационного способа изложения собственной точки зрения. Данные причины заставляют говорящего избрать иную, неконстатационную форму выражения мысли. Факт существования подобных причин доводится до адресата как знак того, что говорящий при квалификации события ориентируется именно на них.

Так как модальные частицы вводят в высказывание различные квалификативные модальные смыслы – предположение, возможность, вероятность, кажимость, сомнение (и др.), важным оказывается то, что нередко говорящий не имеет веских аргументов (базирующихся на объективных данных) для констатирующего утверждения или констатирующего отрицания факта. При этом субъект достаточно часто оперирует только своим собственным мнением, не основанном на знании всех условий, имеющих как непосредственное, так и опосредованное отношение к квалифицируемому собы-

тию. Презентация собственной точки зрения как отстраненной от ответственности за фактичность высказанного мнения, таким образом, дает говорящему право предполагать о развитии и лишь вероятностном результате события: *Да он и был почти мальчиком, очень нежным и красивым с виду, но по натуре резким и жестоким, мальчиком как будто самоуверенным, но легко и чуть ли не до слез смущающимся* (И. Бунин); *Мой собеседник, человек рассудительный, вроде решал, как ему дальше вести себя со мной* (Журн.текст); *Мы, видишь ли, народ молодой! Да ведь авось и там-то, в Европе-то, тоже давили немало - монголы всякие* (И. Бунин); *На вид ему лет двадцать, едва ли больше* (Р. Штильмарк).

Сказанное позволяет генерировать проблему выполнения модальными частицами актуализационной функции в речевом высказывании, участвовать в рема-рематическом членении предложения. Суть данной проблемы заключается в следующем.

Месторасположение частицы относительно актуализируемого компонента достаточно стабильно – это препозиция. В высказывании, как правило, логически не вычлениаются элементы, по отношению к которым частицы находятся в постпозиции (так называемое прогрессивное влияние частицы). Данные элементы в указанной позиции включены в состав темы сообщения: *Положимте, что так. Блажен, кто верует, тепла ему на свете! - Ах! боже мой! ужли я здесь опять, В Москве; у вас! да где же вас узнать!* (А. Грибоедов); *-На земле, ваша честь! На луне нет женщин, ваша честь, а потому там едва ли возможно выпить стакан вина за здоровье роженицы!* (А. Чехов); *Мы оба с ней как бы дематериализовались друг для друга, перестали реально существовать в тех привычных объемах, в которых мы только что видели и чувствовали друг друга* (Г. Семенов); *Под мостом было темно, сыро и гулко. Вырвавшись из-под него, лодка точно прибавила ходу и теперь плыла со скоростью хорошей почтовой лошади* (А. Куприн).

Исключением являются случаи, когда модальная частица занимает позицию абсолютного конца повествовательного предложения: – *Это к кому посетители? – раздался негромкий голос дежурного. – Ко мне будто, – отвечал Николай* (В. Михайлов); – *Да, встреча состоится едва ли, – уныло произнес я* (А. и Б. Стругацкие). В этой же позиции модальная частица может фиксироваться в вопросительном предложении, где допустимое регрессивное влияние частицы обусловлено коммуникативно-функциональным типом конструкции: *Мужик посмотрел на нее, тряхнул шапкой и сказал: -Эй, ты, тетка! Слышь, что ль? Баба все шла и молчала* (В. Слепцов); *Все мы, выслушав это последнее признание Ивана Северьяныча, впервые заподозрили справедливость его рассказа и хранили довольно долгое молчание, но наконец кто-то откашлянулся и молвил, – Она утонула?.. – Залилась, – отвечал Иван Северьяныч. – А как же потом? – Что такое? – Пострадали небось? – Разумеется-с* (Н. Лесков).

Препозиция частицы в большинстве случаев носит контактный характер: *Вода под лозинами стала прозрачная, ледяная и как будто тяжелая. Она мгновенно прогоняет ночную лень...* (И. Бунин); *Никогда ему не изменяет его светлое, терпеливое, чуть приукрашенное мягкой улыбкой благодушие. Вот и сейчас: у него висит на ленте важная, срочная, едва ли не зашифрованная телеграмма из-за границы* (А. Куприн); *Из Гатчинской авиационной школы вышло очень много превосходных летчиков, отличных инструкторов и отважных бойцов за родину. И вместе с тем вряд ли можно было найти на всем пространстве неизмеримой Российской империи аэродром, менее приспособленный для целей авиации* (А. Куприн). Дистантная позиция может иметь место либо при воздействии частицы на речевое высказывание в целом (в этом случае частица располагается в начале высказывания): *Небось как полагается и не совершь-то?* (А. и Б. Стругацкие); *Вряд ли Шебалов станет держать попову сторону* (А. Гайдар); либо при выделении взаимодействующего компонента с помощью логического ударения (в этом случае место частицы, как правило, не фиксировано): *Ноги как будто переломал кто-нибудь* (Н. Гоголь); *И словно она*

перед стариком стояла (А. Иванов); «Ну, ты, – отвечает, – очень не пугайся: бог милостив, и **авось** как-нибудь выкручусь, а только я за эту Грушу в табор полсотни тысяч отдал» (Н. Лесков).

Заметим, что занимаемая модальной частицей позиция не играет существенной роли в отнесении рассматриваемых слов к тематическим или рематическим элементам. Модальные частицы всегда, во всех позициях служат выделению коммуникативного центра речевого высказывания. Это компоненты ремы. Рема же, как известно, представляет собой главную коммуникативную цель сообщения, поэтому роль частицы как рематического элемента становится значительной для семантического поля речевого высказывания. Именно с помощью модальной частицы последнее получает смысловую корректировку в сторону полюсов утверждения или отрицания, что является решающим фактором в определении места высказывания на модальной шкале степеней достоверности.

Модальные частицы нередко выступают в качестве трансформаторов тематических границ [6]. В высказываниях с прогрессивным порядком следования компонентов частицы обычно занимают интерпозицию, располагаясь на границе актуального членения – после темы и открывая рему: *Черная усатая Афродита // **вряд ли** могла порадовать чей-то взор* (Р. Киреев); «Хочешь верь, хочешь не верь, а я всегда о твоём уме вспоминаю, и спасибо тебе, что ты мне теперь про этот яхонт напомнила!» «А вы, – говорит, – // **будто** про нее так и позабыли?» (Н. Лесков). Такие высказывания формально могут быть отнесены к конструкциям с фиксированным актуальным членением. Граница между темой и ремой проходит здесь непосредственно перед модальной частицей. Актуализации подвержен либо предикат, либо компоненты его группы: *И лицо его // **как будто бы** сразу преобразилось, просветлело и стало почти прекрасным: бледные губы слегка полуоткрылись, а глаза еще больше увеличились и сделались глубокими, влажными и сияющими* (А. Куприн); *Мы любили друг друга и всех людей, встречавших нас в этом теплом городе, - мы чувствовали себя счастливыми... и между тем знали, что мы все равно не успеем наглядеться на этот странный декабрь, которого никогда еще ни у кого из нас не было в жизни и который // **вряд ли** когда-нибудь еще повторится* (Г. Семенов). Частица выполняет здесь обычную для себя функцию – дополнительного актуализатора рематического элемента, так как самим прогрессивным порядком следования компонентов предполагается подобное актуальное членение: *Он и сам // **вроде** стремился к примирению* (Л. Леонов); *Только и слышишь в ответ: я, // **дескать**, устал и спать хочу* (Газет. текст); *Во всем, что она говорит, она // **едва ли** права* (С. Снегов). В высказываниях такого рода компоненты тематической части не сообщают принципиально новой, неизвестной для собеседника информации, однако служат выполнению определенной задачи – связи предложения с контекстом. Тем не менее было бы неверным утверждать, что тема здесь не принимает участия в создании общего информационного пространства высказывания. И тема, и рема являются лишь словесными значениями, информация же выражается их активным сочетанием (пропозицией предложения: *Я к кучерам, кои возили их: стал спрашивать, и те ничего не говорят. Сказали только, что князь // **будто** своих лошадей на станции сменил и назад отослал, а сам с Грушей куда-то на наемных поехал* (Н. Лесков); *Если додумать маляра, - до конца его додумать, то мысль // **едва ли** пойдет далее той точки, на которой Достоевский создал Марфу Петровну Свидригайлову* (И. Анненский).

В предложениях с регрессивным порядком следования компонентов отнесение модальной частицы как элемента ремы к началу высказывания может быть обусловлено рядом причин: необходимостью позиционной контактности ремы с соотносимым членом предшествующего высказывания, расчленением распространенной ремы, желанием говорящего интенсифицировать диалог, ритмом и т. п.

Известно, что конструкции с прогрессивным порядком следования компонентов в основном характерны для спокойного повествования, то логическое выделение,

ремагизация слова при помощи удара в любой другой позиции всегда проявляет дополнительную смысловую нагрузку слова в тексте, в том числе и модальной частицы. При регрессивной последовательности происходит резкое повышение значения начала высказывания. Именно здесь располагаются наиболее важные в коммуникативном аспекте элементы, а значит и модальные частицы как индексальные знаки, корректирующие семантические поля знаменательных компонентов. Смысловая функция частицы становится в этом случае определяющей, поэтому модально-квалификативное значение, реализуемое служебным компонентом, распространяется на высказывание в целом: *Едва ли осмелился бы я пойти в школу, останься у меня невыученный хоть один урок* (В. Распутин); *Восемь лет тому назад я увидел вас в цирке в ложе, и тогда же в первую секунду я сказал себе: я ее люблю потому, что на свете нет ничего похожего на нее... В вас как будто бы воплотилась вся красота земли* (А. Куприн); *Но вряд ли вашему величеству понадобятся такие перемены в календаре* (С. Маршак). Модальные частицы и здесь открывают рему, воздействуют на коммуникативно значимый компонент.

Похожим образом дело обстоит в том случае, когда автор при прямом порядке слов выносит частицу в позицию начала высказывания: *Вряд ли он ждал денщика* (Ю. Тынянов). Однако прямой (тема-ремагический) порядок в таких высказываниях, на наш взгляд, нарушен. Рема расчленена. Частице в смысловом аспекте придано особое значение, соотношенное с коммуникативным заданием говорящего: во-первых, подвергнуть максимальной актуализации саму частицу и, соответственно, маркируемый ею компонент; во-вторых, выделить как самостоятельный модально-квалификативный смысл, генерализуемый частицей: *Якобы пациент и не подозревал о последствиях* (Е. Носов); *Словно пылевая завеса затягивала солнце* (Л. Кудрявцев); *Едва ли Онегин мог сказать, что «Ленский любил задаваться»* (В. Каверин); *Едва ли Диего Луис, командир «Трех идадьго», выйдет в море сражаться за будущую французскую республику без своего помощника Маттео Вельмонтеса* (Р. Штильмарк). Компоненты темы дополнительной актуализации со стороны модальной частицы могут быть подвергнуты только тогда, когда они выделены логически при помощи фразового удара. Однако в этом случае называть их компонентами темы было бы, пожалуй, необоснованно, так как они фактически включаются в состав ремы посредством актуализационного воздействия на них модально-персуазивного квалификатора (Ср.: *Словно // он болен – Словно он // болен; Вряд ли // он // пойдет в школу – Вряд ли он // пойдет в школу*).

В сравнении с теми случаями, когда частицы строго фиксировались на границе актуального членения, открывая собой ремагическую часть высказывания, влияние их на предикат при регрессивном порядке следования компонентов не уменьшается, как того следовало бы ожидать, а увеличивается. Модально-квалификативные смыслы, реализуемые частицами в подобных высказываниях, гораздо «объемнее» тех смыслов уточняющего характера, которые актуализируются частицей, зафиксированной на тема-ремагической границе при прогрессивном порядке следования компонентов актуального членения. В этом аспекте высказывания, аналогичные приведенным выше, нельзя, на наш взгляд, приравнять к типичным конструкциям с прогрессивным порядком следования компонентов, так как здесь фактически ремагический компонент предшествует тематическому. Данные высказывания, вероятно, должны быть отнесены к особой разновидности регрессивного порядка следования компонентов актуального членения.

Таким образом, выполняя актуализационную функцию, модальные частицы способны трансформировать тема-ремагические границы высказывания. Модальные частицы всегда, во всех позициях выступают в качестве членящего элемента, находятся на тема-ремагической границе и открывают ремагическую часть. В связи с тем, что в большинстве своем частицы оказывают прогрессивное воздействие на компонент, они всегда находятся в начале актуализированной части. Иными словами, с измене-

нием месторасположения частицы в предложении может измениться и его актуальное членение, которое здесь оказывается фиксированным. Фиксатором же вариативности является сама частица (Ср.: *Он **вряд ли** пойдет в школу сегодня – Он пойдет **вряд ли** в школу сегодня – Он пойдет в школу **вряд ли** сегодня – **Вряд ли** он пойдет в школу сегодня*). Следовательно, хотя актуальное членение предложения и основывается на порядке слов и интонации, однако наличие частицы – фиксатора и материализатора логического ударения – может оказаться решающим для определения (или перераспределения) тема-рематических границ в предложении и, соответственно, в речевом высказывании. В более широком аспекте модальная частица приобретает роль фиксатора регистровой вариативности высказывания. Рематическая актуализационная функция частиц при этом приобретает особую значимость.

Актуализационная функция частиц непосредственно вытекает и связана с таким фактором, как «степень уверенности/неуверенности говорящего в сообщаемом». Заметим однако, что выделение степени уверенности/неуверенности в качестве критерия отграничения смысла «предположение» от других квалификативных смыслов, реализуемых в высказывании модальными частицами, следует признать ненадежным параметром, так как, с одной стороны, нередко в предположительном высказывании наблюдается как раз высокая степень уверенности. Например: – *Что ты хочешь сказать? – Что ж тут объяснять. **Небось помните**, как я вас любила* (И. Бунин) (в основе уверенности говорящего – фактичность уже ранее произошедшего события – «любила»); *Здорово, друг, здорово, брат, здорово. **Рассказывай, чай** у тебя готово Собрание важное вестей?* (А. Грибоедов) (в основе уверенности – опыт говорящего, фамильярно-дружеские отношения). С другой стороны, сам факт актуализации квалификативных смыслов часто обусловлен не столько степенью авторской уверенности в сообщаемом, сколько причинами прагматического уровня: *У вас, **чай**, и так вороха наготовлены, брильянтовая* (А. Островский) – степень уверенности говорящего основана на общественном мнении. В более широком аспекте все это подводит к мысли о том, что модально-предположительная квалификация события лишь косвенным образом связана с уверенностью/неуверенностью говорящего, но отнюдь не является вытекающей только из нее. Это, со своей стороны, приводит к тому, что модальная частица и в плане ментально-логическом является языковым инструментом рематизации сообщаемого.

Кроме того, как следствие сложности и многоплановости ментальных и языковых процессов, возникает множество переходных ступеней и довольно большое количество высказываний, в семантике которых трудно однозначно дифференцировать наличие неосложненного модально-квалификативного смысла, фиксируемого только предположительной частицей. Смыслы сферы субъективно-модальной квалификации сообщаемого часто выступают в смешанном виде, совмещаются в пределах одного высказывания. Это обусловлено тем, в речевом коммуникативном процессе, как правило, работает целый комплекс взаимопересекающихся прагматических факторов: интенции говорящего, степени осведомленности адресата, специфики коммуникативной ситуации, социолингвистических и исторических факторов, метакатегориальной составляющей модуса и других, что в результате повышает статус модальной частицы как инструмента коммуникативно-прагматического воздействия на адресата.

Функциональный анализ антропоцентрической составляющей предложений с предположительными частицами заставляет по-иному взглянуть на проблему исключительно частеречного подхода к изучению модальных частиц. Частицы – служебные элементы – проявляют себя исключительно на уровне предложения/высказывания, что позволяет говорить о наличии у них особой, синтактико-прагматической семантики. В аспекте прагматики и антропоцентризма сказанное позволяет выделить основные цели, которые преследуются говорящим при субъективно-модальной квалификации события: высказать собственное видение ситуации, эксплицировать личностный, субъективно-авторский взгляд на ситуацию; донести свою точку зрения до адресата,

добиться того, чтобы говорящего правильно поняли, то есть адекватно тому, что заложено в основу субъективно-модальной квалификации сообщаемого самим говорящим. И в первом, и во втором случае модальные частицы как квалифицирующие средства – это сигнал важности сообщаемого адресату факта, один из способов автора высказывания продемонстрировать адресату свое безразличие к происходящему. Употребляя данные средства, говорящий боится от недопонимания его позиции адресатом, т.е. ориентирует последнего на «правильное» (по мнению говорящего, естественно) понимание ситуации, а также собственного взгляда на событие.

Выводы

В заключение отметим, что смыслы, актуализируемые и рематизируемые в высказывании модальными частицами, не являются образованиями статичного уровня языка. В речевом процессе коммуникации для данных смыслов характерен фактор динамизма. Указанные смыслы реализуются в тексте как саморазвивающаяся система, отвечающая требованиям речевого процесса и предназначенная для решения говорящим конкретной коммуникативной задачи. Данная задача основывается на донесении говорящим до собеседника информации о некатегоричности предлагаемой квалификации события в аспекте достоверности/вероятности сообщаемого. Рематизированная презентация субъективно-модальной квалификации информации в данном случае – действенный инструмент достижения коммуникантами успеха речевой коммуникации.

Итак, модальные частицы, являясь рематизаторами сообщаемого, ярко отражают степень речевого воздействия автора речи на оппонента по диалогу, силы речевого убеждения адресата, мягкости и дипломатичности в достижении коммуникативной цели субъектом, выбора способов донесения до адресата прагматически ценных смыслов, актуализируемых в процессе речевой коммуникации. Последнее при профессионально сориентированном изучении русского языка закономерно ведет к необходимости усвоения механизмов образования и функционирования в высказывании комплекса динамически развивающихся смыслов, среди которых смыслы, вводимые модальными частицами занимают весьма важное место. Описание функциональной семантики модальных частиц, таким образом, помогает объяснить суть функциональных, коммуникативных и семантико-прагматических процессов в языке и речи, что является, на наш взгляд, перспективной сферой для дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды института русского языка. – Т.2. – М.–Л.: АН СССР, 1950. – С. 38 – 79.
2. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
3. Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. – М.: МГУ, 1972. – 198 с.
4. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М.: АН СССР, 1960. – 378 с.
5. Стародумова Е. А. Русские частицы. – Владивосток: Изд-во ДГУ, 1997. – 68 с.
6. Николаева Т. М. Семантика акцентного выделения. - М.: Наука, 1982. – 104 с.

NON-CATEGORIALITY OF THE VOICE DIALOGUE AND FUNCTIONAL SEMANTICS OF MODAL PARTICLES

I. A. Nagorny

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
nagorny@bsu.edu.ru*

The paper regards the characteristics of the functioning of Russian modal particles as an expression of the complex copyright subjective meanings. It describes the function of modal particles in the speech utterance. The author updates the issues of non-categoriality in the speech dialogue.

Keywords: modal particles, semantics, meaning, significance, function, assumed verbal expression, event.